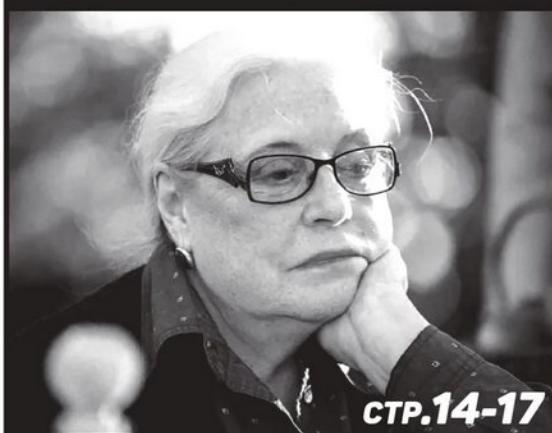

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

УСПЕТЬ ПОКАЯТЬСЯ

стр.14-17

A black and white photograph of a man with dark, wavy hair, wearing a light-colored jacket over a white shirt. He has his hand near his face, with his fingers touching his chin and cheek.

стр.9-11

ПРОСТО ТОТО

№38 (171)
СЕНТЯБРЬ 2023

стр.4-8

СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА - КОНЦЕРТ УТЁСОВА!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛЕКСЕЯ КОСЫГИНА В КАНАДЕ

стр.20

УСПЕТЬ ПОКАЯТЬСЯ

Ее жизнь похожа и на волшебную сказку, и на тяжелую драму, были в ней и великие радости и огромные горести и потери.. И чего было больше, наверное, сложно перечислить. Однако она по-прежнему не теряет оптимизма, жизнелюбива и активна. Народная артистка Лидия Федосеева-Шукшина, несмотря на возраст, продолжает удивлять своей бурной личной жизнью. В университетские годы за неё ухаживал Андрей Тарковский, первым ее мужем был украинский актер Вячеслав Воронин. В середине 60-х Лидия Николаевна стала женой и музой Василия Шукшина и в основном снималась только в его фильмах. После его смерти в 1974-м, 36-летняя актриса осталась одна с двумя дочерьми, но справилась. Как призналась актриса, в этом ей помог бог. После смерти Шукшина она выходила замуж еще три раза. Недавно развелась с пятым мужем - Бари Алибасовым.

Геннадий Норд

- Давай попробуем поговорить.

- Да, да. Хотя, признаюсь, интервью терпеть не могу. Но ты же не журналист, ты из нашей атерской среды. Поэтому давай поговорим.

- Почему такая нелюбовь к интервью?

- Нелюбовь к интервью пошла у меня от Василья Макаровича, он говорил, если мне что-то надо сказать, я сам сяду и напишу. А я все это впитала в себя. Я от него очень многое в жизни взяла, я тогда была рядом с ним никто и ничего. Ну, актриса, актрис таких было много.

- Естественные вопросы: о себе и Василии Макаровиче.

- Мы с Василием Макаровичем вышли из очень разных миров. Я ленинградка, мое детство прошло в коммуналке напротив Казанского собора. В детстве была боевая до вольности, всегда имела свое мнение и никогда не боялась его высказать.

Место, где мы жили, было такое... как бы элитное, там жили в основном писатели и композиторы. А наша бедная семья попала туда каким-то чудом.

Мои соученики ходили в школу с вкусными бутербродами, на которых блестела красная икра, колченая рыба и хорошая колбаса. А мне мама давала на перекус бутерброд с картошечкой да луком. На всю жизнь запомнила, как однажды в первом классе я угостила учительницу своим бутербродом с картошкой. Она взяла его и пренебрежительно выбросила у меня на глазах. У меня аж слезы из глаз от обиды брызнули! Я его подняла и бросила ей в лицо. Она была вся заслуженная и титулованная, меня из школы чуть не выгнали. Маму вызывали, скандал был несусветный, мама нашла какие-то слова, чтобы меня оправдать и защитить. Но ожог от той детской обиды на всю жизнь остался.

- Почему стала артисткой?

- Я выросла в богемном районе Ленинграда, соседские дети смотрели дома

трофейные фильмы, и мальчишки часто звали меня «кино посмотреть». Актриса Дина Дурбин - это любовь всего моего детства, я ее обожала до высокой температуры. Моя мечта стать артисткой началась с того времени. Я ходила во все кружки художественной самодеятельности, школа меня не интересовала вообще.

- Ты киноактриса. А как же театр?

- Театр не любила и не понимала никогда. Театр - это не родной дом для меня. Опять же, это все от Василия Макаровича, он не любил театр, и мы с ним туда никогда не ходили. В кои-то веки

мы ходили на спектакль с Евгением Евстигнеевым, когда он у Василия Макаровича снимался. Помню, как он посмотрел «Гамлета» с Высоцким. Пришел домой, я у него спросила:

- Как спектакль?
Он сказал, ничего не объясняя:
- Гамлет с Плющихи.

Позже, когда меня мучают воспоминаниями о Высоцком, мне и вспомнилось особо нечего. Володя Высоцкий с Василием Макаровичем больше выпивали, чем дрались.

- Чем отличался Шукшин?
- Особыми Шукшином. Он самородок. В нем все от господа Бога и ничего от высшего образования. Он корневой человек, а жизнь-то вся начинается от корней, вот в нем эти корни земли сидели очень прочно. Он не был классиком в литературном понимании этого слова. Классики - это Толстой, Гоголь, Достоевский. Они смотрят на нас с портретов в литературных аудиториях и библиотеках.

А Шукшин - продолжение своей земли, своей деревни, части народа. Его сегодня называют «русский писатель». А он называл себя советским, он родился и ушел из жизни в советское время. Он был дух и плоть того времени.

Когда он по молодости слышал слово «сибиряк», у него сердце заходилось, и этот человек уже в эту секунду становился для него своим. Он деревенских людей обожал, чувствовал их и понимал как самого себя.

А ведь жизнь у него в деревне была очень трудная, отца арестовали, мама воину пережила одна с двумя детьми. Жили они очень трудно. Но деревеню свою он очень любил.

У него была фантастическая сила. Он говорил: я сделаю все, что хочу! И делал. Не все, может быть, но делал зачастую больше, чем позволяло время и идеология.

С В. Шукшиным, дочерьми Ольгой и Марией

С В. Шукшином на съемках кинофильма «Какое оно море»

Я его не сразу стала понимать. Мы учились во ВГИКе, он на режиссерском, я на актерском. Помню, в картине «Два Федора» с ним снималась моя сокурсница Тамара Семина. Она ничего никогда не рассказывала мне о Шукшине. Я была дерзкая, очень вольная, со своим мнением. Меня переделал Шукшин. По-степенно своим духом покорил и пленил меня.

С Шукшиным мы сблизились на картине «Какое оно, море?», снимались вместе. Он там крепко выпивал, и я за него тихо и очень по-настоящему молилась. Он мне показался хорошим, безмерно талантливым, с чувственным сердцем, но выпивающим. Добрый, заботливый, они «под этим делом» старался за всеми смотреть и всем помочь.

Почему талант и рюмка часто идут рядом? Нет, тут дела не в таланте. Вася долго жил в бедности, а тут появились какие-то денежки, тут же друзей пошлилило, и пир пошел горой. Для меня это было делом тяжелым. У меня папа выпивал, и два брата моих потянулись к этому делу. Мне было больно видеть все эти гулянки.

- Как он писал? Легко?

- Легко ли Шукшин писал? Писал быстро, но он долго вынашивал материал в себе. Мог на диване часами лежать, все думку свою думал. С кофейчиком и бесменной сигаретой вынашивал все в голове. Меня этот дым табачный раздражал, у нас в семье никто не курил. А Вася говорил:

- Мне это помогает.

Против такого аргумента мне возразить было нечего.

Потом он садился писать, и дело шло. Первая слушательница его рассказов была я. И боже сохрани мне было что-то вякнуть против.

Он тут же обрывал меня:

- Ты не перебивай!

Я его всегда стеснялась, он для меня был гением, который может написать так, как было в жизни. В самой ее сердцевине. Помню, как я страдала, когда критики его рассказы называли «однодневками». Где теперь те критики и где рассказы Шукшина? Вот жизнь—то все расставила по своим местам.

На его родине, в Сростках, люди очень талантливые и в своих фантазиях про Шукшина заходят так далеко, что я диву даюсь. Я не верю очень многому, что земляки сейчас о нем говорят. Свидетель его жизни там почти не осталось. Только все на уровне «он меня постри-

В фильме «Сверстницы»

С Ефимом Копеляновым в кинофильме «Дауря» (1971)

карович даже записывал, как она свои сны рассказывала. Заслушаешь! «Дитя твоё мое» — называла она его, и он ее очень любил.

Когда мы ездили в Сростки, то всегда везли чехомоданы подарков: платки, рубашки и халаты. Для всей родни, на поддеревни. Я спрашивала:

- Вася, какие размеры покупать?

Он говорил:

- Это не важно, сгодится все.

Я Сростки не очень любила. Когда приехала туда первый раз, помню, была зима лютая, я заболела. Меня положили в больницу, Шукшин меня ни разу

не пришел проводить. У меня осталось чувство, что он даже не заметил моего отсутствия. С друзьями все отмечал да обмывал...

- Но ты была с ним счастлива?

- У меня с ним было трудное счастье, но это было счастье. Я бы все на свете воскресила, только чтобы он был со мной. Мне его очень не хватает. Шукшин для меня был всем. Вместе с ним из моей жизни ушло счастье. Писатель Вася Белов был на похоронах Василия Макарова

Окончание на с. 16

Пробы к кинофильму «Птицы над городом». Лидия Федосеева с дочками, Сергей Никоненко и юный актер Саша Сосновский

С Андреем Мироновым в телефильме «12 стульев» (1976)

Окончание. Начало на с. 15

вича, помню, я его провожала, он мне сказал:

- Вася был счастливый, спасибо за то счастье, которое ты ему дала.

Шукшин и Белов очень любили друг друга, оба корнейевые, деревенские, понимали друг дружку с одного дыхания. После смерти Василия Макаровича мне казалось, зачем жить? Дети? Ну, дети, у них своя жизнь. Помню, было чувство полной остановки жизни.

Его нет больше сорока лет, я до сих пор люблю сидеть в его кабинете, разговаривать с ним, жаловаться ему. Он настолько вошел в мое сердце, вососался в мою душу, что время оказалось абсолютно невластным. Сейчас, с возрастом, когда все эти «ля-тополя» закончились, а осталась только сердцевина чувств, очень глубоко понимаешь, что нет рядом родного человека. Который мог поддержать, поругать, покалечить, и от которого ты все это принимала с благодарностью.

Хотя после Василия Макаровича возле меня были люди, оператор Миша Агарнович - просто золотой человек, который помог мне вырастить моих девчонок. Но Вася никто не заменил.

Сложно ли было выбрать актерскую профессию?

- Нет, мне было абсолютно не сложно. В школе, как я уже говорила, я училась постраданно, потому как занималась во всех кружках, которые тогда существовали. Я ходила в ленинградский Дворец пионеров на все, что там было: театральные, танцевальные, хоровые - это все были мои. Я мечтала быть только артисткой и больше никем.

В какой момент ты это поняла?

- Может быть, это пошло из детства, потому что после войны, первой картины, на которую папа повел меня в кинотеатр, была «Небесный тихоход». И я помню, какое для меня это было потрясение, когда я увидела что-то на экране. И конечно, убежала от папы и пошла за экран, и была жутко разочарована, когда там не оказалось ни одного артиста. Вообще ничего! Какое-то белое полотно, какая-то белая простыня. И я настолько на папу рассердилась за то, что он меня повел в кино и не объяснил, что это такое.

Мне очень хотелось побыстрее окончить школу и уехать к бабушке в Подмосковье, в Солнечногорск, а там недалеко от ВГИКа, о котором я ничего не знала. Когда мы проезжали мимо ВГИКа, после окончания моей десятилетки, моя тетка родная сказала:

- Вот тут учат артистов.

- И что делает Лиза Федосеева?

- Тут же соскакивает, стучит этому водителю:

- Откройте дверь! Мне надо туда! И все, соскакиваю, бегу.

- Тебе хотелось богатой жизни?

- Нет, по поводу «богатой жизни», мне никогда не хотелось, потому что мы жили, я даже могу сказать, бедно. У нас один папа работал, пять человек семьи. Папа работал на мясокомбинате в отделе

снабжения, и иногда у них там были какие-то магазинчики для своих, где им продавали ломаную колбасу и сосиски - списанные. Он приносил это домой, естественно. Папа мечтал, чтобы я работала где-нибудь на мясокомбинате, потому что мы постоянно были голодные и эти горячие сосиски и колбаса казались такими вкусными. Но я сказала, что буду только артисткой, но буду всегда есть сосиски на экране, которые на нем так и не попробовала.

- Какой тут помнишь себя в детстве?

- Когда я была маленькой, я была лидером дворового движения. Все дворы, все футбольные площадки, все ребята, все чердаки и все помойки - все мое было.

- Изменился ли характер после поступления во ВГИК?

- Да. Я жутко испугалась. Причем, несмотря на мой бойцовский и такой хулиганский, в хорошем смысле, характер, я боялась вообще какое-то грубое слово сказать. Слова «дура» для меня или «дурак», ну это надо было мне в таком гневе быть, чтобы это сказать. Понимаешь?

Я сразу же попала в общежитие и поэтому, там этих грубых слов не было в отличие от того, что сейчас день и ночь слышим с экранов. Я зажалась и, главное, осталась одна. Потому что раньше рядом были мама, папа, братья мои, а тут какие-то незнакомые люди. Но вот что-то меня очень сдерживало. А уж не говорю о том, что когда я встретила Василия Макаровича, это я вообще поменялась!

- Вернемся к Шукшину. Вы познакомились во ВГИКе?

- Да, он учился на курсе Михаила Ильяча Ромма, где его соокурсниками были ныне известные Андрей Тарковский и Саша Митта...

- Андрей Алексеевич тоже за тобой ухаживал?

- Да, очень даже! Но они с Шукшиным были в разных категориях. Андрей был очаровательный, прелестный! Мы ходили с ними гулять, он читал стихи, спрашивал, какие я знаю стихи, а я срочно ночью что-то выучивала, чтобы не показаться полной дурой. И вот наша первая встреча, я помню, он спросил меня, кого я знаю из женщин-поэтов, а я сказал:

- Вот есть такая поэтка Ольга Берггольц.

Он спросил:

- Как ты сказала?

Я даже не знала, что женщины-поэты называются поэтессами. Андрей был восторг от меня и понял, что со мной можно дружить. От меня можно что-то взять!

Потом он Шукшин говорил:

- Она так рассказывала о Ленинграде, о своих дворовых ребятках, о школьных учителях и так все это показывала! Я в нее влюбился.

Он и правда, в меня влюбился. Пришел к нам в общежитие, встал на подоконник и сказал:

- Если ты не скажешь, что ты меня любишь, я выброшусь из окна.

Я смотрела на него и думала, выбросятся или нет? Но сказать не могла, потому что я к нему замечательно относились, но любви-то не было. Очаровательный мальчик, который девочкам всем очень нравился. Он так умно говорил, что я думала: «Господи, боже мой, когда же эти наши свидания закончатся?». И я ему сказала, что конечно, я его люблю. А он сказал:

- Пойдем в лес.

Мы пошли в лес, но нет, нет...

- Тебя не смущало, что Василий Макарович был членом КПСС, а ты нет?

- Но, извини, отец - враг народа. Он был расстрелян, в 1956-м реабилитирован, но они тогда, когда жили в этой деревне, они были дети врага народа. И попробуй не вступить в партию, попробуй не вступить в комсомол и так далее. И больше того, когда он был у нас секретарем комсомольской организации, меня вызвали к нему. Боже! Я когда увидела его... Ну, он, как-то мне никогда не нравился. Когда Шукшин снимался в «Двух Федорах», он ходил в этой гимнастёрке, в сапогах и ни на кого не смотрел. У него все время ходили желваки, и я поняла, что он вообще никого не видит, никого не любит.

- И что было на приеме у секретаря комитета комсомола Шукшина?

- Я пришла к нему, а Сережа Никоненко научил меня какой-то Ленинской фразе: «Почему я не вступаю в комсомол, в партию...». Я с трудом это выучила и выпалила это так, что ему стало неудобно говорить на эту тему.

Василий Макарович потом на меня так посмотрел, как на какую-то диву, которая знает Ленина наизусть и не собирается в партию и сказал:

- Ну, иди.

В телесериале «Следствие ведут Знатоки. Дело №1. Без ножа и кастета» (1988)

С Зинаидой Кириенко

В кинофильме «Вам и не снилось...» (1980)

С Альбертом Филозовым

С Геннадием Нордом

Наши поехали на целину, а я не комсомолка осталась в Москве. Замечательно было! Я снималась и зарабатывала, даже немногого родителям помогала.

- Когда ты поняла, что влюблена в Шукшина?

- Он попал в мое сердце в 1964-м после окончания уже Герасимовского курса. Его ученик Эдуард Бочаров набрал на свою первую картину «Какое оно море?», а на главные роли были приглашены Шукшин и я.

Я пробовалась с другими замечательными актерами, но взяли Шукшина. Я была очень недовольна и посыпала как-то пойти к Тамаре Федоровне Макаровой и спросить, зачем берут именно его. Она мне ответила:

- Шукшин - это наш Чаплин. Он только музыку не пишет.

И тогда я подумала: «Как интересно, ладно! Пусть снимается! Познакомимся!». Разрешила я.

И вот тогда мы познакомились сидя в поезде. Перед этим, когда поезд уже отошел, вижу, бежит по платформе мужчина с кроваватенькими ножками. Мне очень нравятся мужчины с кроваватенькими ножками после этого. Бежит такой, и вдруг у него из пиджака, мятого такого, дешевого, выпадает зубная щетка и порошок. И он хотел наклониться, а в это время из другого кармана бутылка вина упала. Он, конечно, не знал, за что брататься, но поднял бутылку.

Он учился за наш вагон:

- Ой, ребята, я не туда попал!

А они видят, что бутылка вина валяетя, я не пила, ребята-операторы естественно и такие:

- Да туда! Туда!

Он к нам в купе сел. Он пел, рассказывал о Разине. Мы были очарованы Шук-

шиным. А потом он попросил меня спеть песню «Калина красная», которая тогда была в моде. Василий был потрясен, и я поняла, что вот тут-то все и началось.

- Чем ты покортировала в отношениях с Шукшиным?

- Я вообще считаю, что любовь должна быть жертвенной, обязательной. А женщина, она всегда должна приносить себя в жертву, тем более для любимого человека. Именно так я жила с Шукшиным. Семь лет я не снималась, меня, конечно, приглашали, но было достаточного одного его взгляда, чтобы понять, что я буду появляться только в его фильмах.

Он видел, что я талантливая и внушил, что я должна играть характерные роли. Наверное, это была ревность, но Шукшин все сваливал на заботу о детях. Он делал это так бескорыстно, а я была предана ему и послушна, что думала: «Ну, какое кино? Ну, подумаешь, кино! Тоже мне актриса великая! Вот рядом гений живет, нутрак слухи ему».

- Как ты пережила смерть Василия Макаровича и начала жизнь заново?

- Господь, наверное, помог. Я молилась, чтобы и мне, и детям какое-то утешение было. Уж очень душа болела от того, что этот человек ушел.

Понимаешь, я верю в бессмертие души и поэтому я знаю, что Василий Макарович все видит, все знает. Захожу иногда в кабинет и говорю:

- Вась, ты меня прости. Ради бога, прости! Дурная я, дурная! Ну, правда, я исправлюсь.

Его не стало, когда мне было 36 лет, а ему 45. Вот так раз - и человека нет! Человек столько сделано, столько наработан, написан! Столько было у него задумок! И нет, а я живу. А что я живу? Кому я нужна? А, детям нужна, может, и внукам нужна. Понимаешь, вот как-то поговорю с ним, и мне легче становится.

- Как считаешь, каким образом можно восстановить культуру?

- Читать. Любить к книгам мне Василий Макарович привил, постоянно покал:

- Лиза, читай! Самообразовывайся!

Подсовывал мне даже труды Мережковского. А я кривилась: что может быть скучнее! Сейчас читаю. И легче жить стало.

В общем, надо читать больше хорошую литературу: Пушкина, Шукшина.

Я читала.

- Чего еще хочется в жизни?

- От жизни ничего. Хочется успеть поговориться. Есть за что...

С Бари Алибасовым

